

Габор Дьёни

ЛЕГЕНДА О ЧУДЕСНОМ ОЛЕНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАДЬЯРСКОЙ ПРАИСТОРИИ

Сюжет о чудесном олене дает средневековое представление об этногенезе мадьяр. По мнению автора статьи, мифические персонажи легенды отражают ранние этапы этногенетического процесса мадьяр, в котором, кроме собственно угров, участвовали оногуры и аланы. Приводятся места локализации возникновения легенды.

Легенда о чудесном олене — это мифический рассказ о том, как легендарный олень-проводник вел предков мадьяр (и гуннов) на новую родину из Азии в болота Меотиды. Этот сюжет в венгерской литературе впервые встречается в Гуннской хронике (*Gesta Hunnorum*) Кезаи Шимона (1282—1285)¹. Согласно этому источнику, сыновья Менрота и Энех, Хунор и Магор (они, по Кезаи, предки гуннов и мадьяр), жили в Персии и охотились на оленя. Олень привел их в болотистые места Меотиды и исчез. Хунор и Магор увидели, что место хорошее, и остановились там. Они жили в Меотиде пять лет, а на шестом году вышли и встретили дочерей и сыновей Белара, а также дочерей Дула — князя аланов (*princeps Alanorum*) и взяли их с собой. На одной из дочерей женился Хунор, а на другой — Магор. Их потомки размножились и стали предками гуннов (т. е. гуннов и мадьяр, поскольку, по Кезаи, мадьяры — это потомки гуннов) [*SRH, I, 144—145*].

Данный сюжет, практически в неизменном виде, встречается и в Композиции венгерских хроник XIV в. Различие только в том, что Кезаи писал, что Хунор и Магор являются предками гуннов, тогда как в Композиции венгерских хроник отмечается, что Хунор и Магор являются предками и гуннов, и мадьяр: «*ex quibus mulieribus omnes Hunni originem sumpresse*» — у Кезаи; «*ex quibus mulieribus omnes Huni sive Hungari originem sumpserunt*» — в Композиции венгерских хроник, т. е. с прямым указанием на венгров [*Ibid, 145, 251—252*].

В третьем (самом раннем) нарративном источнике венгерского Средневековья — Гесте Анонима, однако, нет этого сюжета. Вместе с тем в ней встречается сюжет о путеводном олене, но в другом контексте. Аноним пишет, что один мадьярский вождь (Борш) уже после обретения родины в Венгрии охотился на оленя около реки Гарамы (Северная. Венгрия), убил его и на этом месте построил новый город (Боршвар) [см.: *SRH, I, 76*]. Однако этот рассказ, в отличие от тех, которые описаны в Хрониках, не носит этногенетического характера.

В средневековой венгерской литературе еще раз встречается мотив чудесного оленя, но уже в христианизированной форме. Так, в Композиции венгерских хро-

¹ Из средневековой Венгрии до нас дошло всего три нарративных источника: Геста Анонима (рубеж XII—XIII вв.), Хроника Кезаи Шимона (1282—1285) и несколько хроник, имеющих общий, реконструированный свод, — Композиция венгерских хроник XIV в.

ник согласно преданию в 1074 г. перед венгерскими князьями Гезы и Ласла появился олень, между рогами которого горели свечи [см.: SRH, I, 388]. Интересно, что этот сюжет встречается и на древних сибирских наскальных изображениях — животное (олень!) с лучистыми дисками (рис. 1) [Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005, 163]. Конечно, поиск прямой параллели между древними сибирскими наскальными изображениями и средневековыми христианскими легендами вряд ли можно считать верным (хотя в венгерской этнографической литературе вплоть до второй трети XX. в. вновь и вновь появлялись теории о том, что в венгерском фольклоре есть «сибирское наследие», однако венгерская этнография сейчас скептически относится к подобным взглядам) [см., в частности: Vargyas, 1977; Voigt, 1977].

Между тем интересно, что сюжет о чудесном олене, связанной с мадьярами, по крайней мере с восточными степными народами, первый раз появился в западно-европейской литературе, у саксонского хрониста Видукинда (X в.). Он, описывая поход мадьяр на Саксонию (906), пишет, что даламанцы (бывший славянский народ у Эльбы) наняли «аваров... которых сейчас называем мадьярами. А авары, как многие считают, это потомки гуннов. А гунны происходят от гетов... так получилось, что во время охоты нашли лань, и гнали ее, пока не пришли в болото Меотида...» [МЕН, 246—248].

Сюжет об олене-проводнике, имеющий отношение к мадьярской праистории, появится в XVI в. и у польского историка Матвея Меховского в его «Трактатах о двух Сарматиях». Меховскому достаточно было известно о Восточной Европе, в том числе о мадьярской праистории. Он пишет, что югры (т. е. предки венгров), следуя за ланью, покинули свою родину (которая, по его мнению, располагалась в Приуралье!²) и пришли в Европу, «на землю сарматов» [см.: Меховский, 1936, 79].

Сюжет хроник о «чудесном, путеводительном олене» в венгерской историографии стал очень важным: действительно, в нем представлен этногенез мадьяр глазами средневеко-

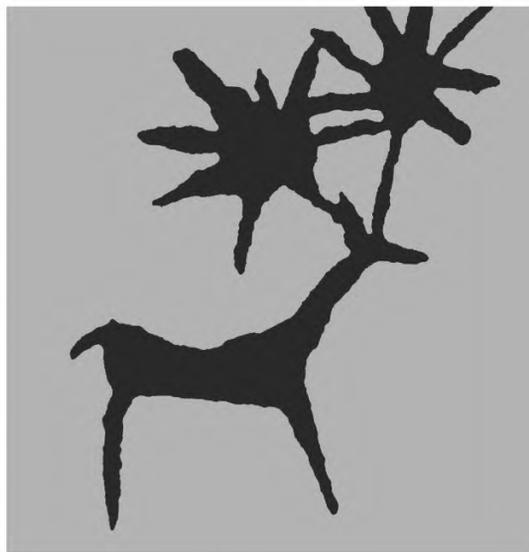

Рис. 1

² Западно-европейские (и по их следам средневековые венгерские) источники, кроме венгерского Анонима, до середины XIII в. локализовали венгерскую прародину в болотистых местах Меотиды («Chronicon» Регино, начало X в.; «Memoria seculorum» Готфрида из Витербо, XII в.) [НКÍF, 195; Gombocz, 1923—1927, 1]. После нашествия монголов благодаря европейским экспедициям на восток (Юлиан, 1236—1237, Плато Карпини, 1245—1247, Рубрук, 1253) место мадьярской прародины (Magna Hungaria) было перемещено в Приуралье.

вых хронистов. Сюжет о чудесном олене, о Меотиде, Хуноре, Магоре, Беларе, Дуло, князе аланов, отражает средневековое представление об этногенезе мадьяр. Оценка сюжета в исторической литературе очень разная.

Вопрос в том, отражает ли этот сюжет историческую действительность, является ли оригинальной легендой мадьярского народа или это не более чем широко распространенная письменная традиция, странствующий сюжет.

В венгерской историографии неоднократно встречалось мнение, что Легенда о чудесном олене является оригинальной венгерской традицией, более того — этническим признаком мадьяр.

На наш взгляд, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разделить проблему на две части:

1) сюжет о «путеводном олене»;

2) мифические персонажи легенды (Хунор, Магор, Дуло, князь аланов, Белар).

Это разделение имеет смысл, поскольку сюжет о чудесном олене, по всей вероятности, является странствующим мотивом (животное в качестве «путеводного» часто встречается в мифах разных народов: например, волк у башкир), тогда как мифические персонажи, возможно, действительно отражают историческую действительность складывания мадьярского этноса. Хунор и Магор встречаются только в венгерской традиции, а Дуло и Белар, возможно, присутствуют и в других традициях.

Что касается сюжета о путеводном олене, то в литературе встречается мнение (это распространено и в кругах любителей), что данная легенда является отражением мадьярского этнического признака [см.: Fodor, 2004]. Один из главнейших элементов этнического сознания для данного этноса — это свое представление о собственном происхождении. По мнению Фодора, Легенда о чудесном олене была собственной этногенетической традицией ранних мадьяр. Известно, что на праздник годовщины (1100-летия) «обретения родины» и в юбилей тысячелетия венгерского государства в 2000 г. в Венгрии вышел фильм о происхождении мадьяр, в котором мадьяры названы народом чудесного оленя³. Представление о «чудесном олене» занимает особую роль в мадьярской национальной самоидентификации: является символом азиатских степей, азиатского происхождения мадьяр, Скифии, «скифо-сибирского звериного стиля» [Алексеев, Мартинов, 1986, 100], ведь самый западный пункт, где нашли детали скифского звериного стиля — это именно Карпатский бассейн, Тапиоселе — 1923, Мезокерестеш-Зэлдхаломпуста — 1928 [см.: Kemenczei, 2003]. Таким образом, данный сюжет символизирует представление о «скифском» происхождении мадьяр⁴.

³ Анимационный фильм режиссера Марцелла Янковича о праистории мадьяр «Ének a csodaszarvasról» («Песня о чудесном олене»).

⁴ Вот высказывание Марцелла Янковича, режиссера фильма «Песня о чудесном олене» и этнографа, очень хорошо отражающее эмоциональную подоплеку этих представлений: «Чудесный олень — хороший символ. Хороший символ, потому что очень древний, и чем древнее символ, тем лучше. Хороший, потому что из-за его древности он в наших генах, или в нашем подсознании, потому что в нем концентрируются знания 30 000 лет» [Jankovics, 2004].

В венгерской историографии существуют мнения, которые настаивают на особенном (восточном, т. е. неевропейском) характере мадьяр, мадьярской культуры (венгерский ориентализм)⁵. В вышеупомянутых интерпретациях сюжет «чудесного оленя» является восточным, уральским древним наследием, «оригинальной» мадьярской традицией.

Однако, рассматривая источники и литературу, мы видим, что сюжет Легенды о чудесном олене достаточно распространен. Исторические данные о чудесном олене еще в начале XX в. (1914) собирал великий венгерский византист Моравчик Дьула. Согласно его исследованиям, сюжет встречается уже в древнегреческом мифе об Ио, об этом же писал и Паусаниас (II в.). Относительно степных народов (впервые отметил Созомен, V в.) встречается упоминание о нем в готской истории Йордана (середина VI в.): по версии Йордана, гунны раньше жили в болотах Меотиды, куда привел их «путеводный олень», но потом олень исчез, а гунны оставались жить в болотах. Йордан здесь ссылается на Ириска, но эта часть произведения Ириска до нас не дошла [см.: Йордан, 1960, 151; Приск, 2005, 453]. Позже сюжет появился у Прокопия Кесарийского («Война с готами», конец VI в.) в рассказе о киммерийцах:

Однажды несколько юношей-киммерийцев, предаваясь охоте с охотничьими собаками, гнали лань, она, убегая от них, бросилась в эти воды. Юноши, из-за честолюбия ли, или охваченные азартом, или их побудила к этому какая-либо таинственная воля божества, последовали за этой ланью и не отставали от нее, пока вместе с ней они не достигли противоположного берега. Тут преследуемое ими животное тотчас же исчезло... но юноши, потерпев неудачу в охоте, нашли для себя неожиданную возможность для новых битв и добычи.

[Прокопий, 385—386]

Таким образом, поскольку мотив распространен в античной литературе, Моравчик сделал вывод, что Легенда о чудесном олене не является мадьярским этническим признаком, она не более чем странствующий сюжет [см.: Moravcsik, 1914, 283, 288, 333].

Однако этот вопрос снова возник после Первой мировой войны. В этой войне Венгрия потеряла большую часть своей территории, и в венгерской исторической науке явно усилились ориенталистские взгляды, подчеркивался восточный характер мадьяр при помощи вовсе иррациональных элементов («туранизм»⁶). Этнограф Янош Берзе-Надь, которого можно считать сторонником «мадьярского ориентализма», в 1927 г. написал статью, содержащую пересмотр концепции Моравчика, полагая, что Легенда о чудесном олене является оригинальной мадьярской тра-

⁵ Начиная с XVI в. — в работах протестантских интеллектуалов (например, идея о родстве мадьяр с евреями в протестантской историографии — см. «Origines Hungaricae» Форища Ференца Отрокочи, 1693) или в существующих до сего дня разнообразных, но находящихся вне рамок науки рассуждениях (например, теория о родстве мадьяр с шумерами и т. д.).

⁶ Туранизм — лишь одна из ветвей ориентализма в венгерской историографии, в последнее время существовал (вторая половина 30-х — начало 40-х гг. XX в.) под влиянием фашизма.

дицией. Берзе-Надь, подобно Моравчику, в своей статье собрал практически все данные о сюжете оленя-путеводителя (греческие, римские, еврейские источники), однако он считал, что следует обратить внимание не на сюжет, связанный с оленем, а на образ охотников — б р а т ь е в - б л и з н е ц о в , которые гонят зверя, показывающего новую родину. В некоторых вариантах, например у Йордана, нет охотников, только лань. Сюжеты об охотниках братьях-близнецах, которые стали создателями разных этносов, встречаются прежде всего в традициях восточных народов: так, уже у скифов, по Геродоту, это Агафирс и Гелон, предками татар и монголов были близнецы Тартар и Мунгл, предки бурят и элет — Бурят и Элет...) [см., например: Геродот IV, 10; Berze-Nagy, 1927, 65—69].

Берзе-Надь, обратив внимание на братьев-охотников, заметил, что этот сюжет встречается и у самых близких родственников венгров — манси. Мансийское предание говорит о том, что два охотника гнали лося. Один из охотников был крылатым. Крылатый охотник догоняет и убивает лося, показывает путь к телу другому, который находит его. Ему так понравился край, что он решил там остаться. От этого охотника произошел род Пастер у истока Оби [см.: Berze-Nagy, 1927, 72]. Имеются и другие фольклорные данные о том, что раньше манси считали лося священным, и в мансийской культуре встречается сюжет о мифической охоте на лося [см.: Ромбандеева, 1991, 22].

Разница между Йорданом и мадьярской традицией (Кезаи, Композиция венгерских хроник) заключается в том, что у Йордана нет охотников, а в венгерской традиции они присутствуют (у Прокопия также!). По мнению Берзе-Надя, это объясняется тем, что мадьярская версия самостоятельна, т. е. не может быть заимствованной от Йордана: «вот это оригинальная традиция о происхождении мадьяр» [Berze-Nagy, 1927, 164].

Кроме сюжета о братьях-охотниках, Берзе-Надь считал специфически мадьярскими полуполюгендарных персонажей Хунора и Магора, которые нигде, кроме венгерских хроник, не встречаются, и мотив похищения женщин, зафиксированный в легенде [см.: Там же].

В конечном итоге Берзе-Надь думал, что Легенда о чудесном олене — это оригинальная мадьярская традиция, именно то азиатское наследие в венгерской культуре, которое было принесено из приуральской прародины.

Позднейшие фольклористы встретили мнение Берзе-Надя о том, что Легенда о чудесном олене является мадьярским этническим признаком и древним наследием мадьярской культуры, резкой критикой [см.: Voigt, 1977]. Однако некоторые венгерские исследователи (Енэ Сюч, Дьула Ласло, Дьула Кришто, Иштван Фодор) приняли взгляды Берзе-Надя [см.: Kristó, 1977, 55; László, 1978, 127—137; Szűcs, 1992, 116—121; Fodor, 2004].

В праисторической концепции Дьулы Ласло Легенда о чудесном олене является реальным отражением этногенетического процесса мадьяр. По мнению Ласло, древнемадьярский этнос сложился из двух компонентов — степного и лесостепного. Степные корни в этногенезе мадьяр нашли отражение в предании о туруле (сохранившемся в Гесте Анонима, в частно-

сти в Кезаи⁷), а лесостепные корни отражает Легенда о чудесном олене [László, 1978, 132].

Енэ Сюч полностью согласился с Берзе-Надем, считая, что эта легенда является оригинальной традицией мадьяр, дополнив, что она возникла около VI в., когда венгры, по его мнению, жили около Азовского моря [Szűcs, 1992, 116—121].

Российский ученый Лев Гумилев полагал, что Легенда о чудесном олене, приведенная Йорданом, отражает историческую действительность, память смешения угров и гуннов [см.: Гумилев, 1960, 4].

Иштван Фодор предположил, что Легенда о чудесном олене возникла и стала важнейшим элементом протомадьярской культуры намного раньше, чем предполагал Сюч: еще в Зауралье, на территории саргатской культуры (IV в. до н. э. — IV в. н. э.), которая, согласно большинству российских исследователей, отождествляется с протомадьярами [см., например: Корякова, 1988, 14, 168—169, Могильников, 1992, 311]. Одним из этноспецифических признаков ранних мадьяр, по мнению Фодора, и является Легенда о чудесном олене (другим — самоназвание мадьяр, которое свидетельствует об этнической самостоятельности южных угров, т. е. протомадьяр, уже в саргатское время) [см.: Fodor, 2004].

Все эти исследователи согласны с тем, что саксонский хронист Видукинд в X в. отразил подлинную мадьярскую традицию и имел в виду конкретно венгров, включив в свое описание сюжет об олене-путеводителе. Однако Видукинд, по всей вероятности, заимствовал этот сюжет у Йордана (т. е. из другого письменного источника). Как видно из текста («аваров... которых сейчас называем мадьярами. А авары, как многие считают, потомки гуннов»), в данном сюжете он имел в виду не конкретно мадьяр. В этом смысле Легенда о чудесном олене может интерпретироваться не в качестве мадьярского этнического признака, а лишь как общий сюжет, касающийся многих восточных народов (гуннов, гетов, авар и мадьяр) [см., например: László, 1978, 131; Szűcs, 1992, 116—121; Fodor, 2004].

На наш взгляд, первый элемент легенды, т. е. сюжет о путеводном олене, нельзя называть мадьярским этническим признаком. Во-первых, есть литературные памятники, которые во времени и пространстве независимо от мадьяр повествуют о путеводном олене (Йордан).

Во-вторых, в венгерской историографии наблюдается противоречие: с одной стороны, олень выступает как «сакральное животное азиатских степей», а с другой — как символ, связанный исключительно с мадьярами (И. Фодор). Однако археологические данные убеждают в том, что в Евразии уже в древние времена был распространен культ оленя (см. наскальные изображения оленя с лучистыми дисками) [см.: Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005]. Не случайно сюжет об олене был одним из самых распространенных в скифо-сибирском искусстве. О важности культа оленя свидетельствует известный Пазырыкский курган (V в.

⁷ По этому преданию тотемистическим предком династии Арпадов был ястреб (по-венгерски — турул) [SRH, I, 38, 165].

до н. э., Алтай), где найдена мумия культового коня в уборе, напоминающем рога оленя (рис. 2) [Грязнов, 1950, 38]!

Таким образом, ни в коем случае нельзя считать оленя (мифического животного) мадьярским этническим признаком. В венгерскую письменную традицию (хроники) сюжет оленя попал (подобно традиции *Magna Hungaria*), с Запада, т. е. и с западной письменной традицией. Известно, что Кезаи непосредственно черпал сведения у Йордана [ВМОКФ, I, 2, 190], в том числе, скорее всего, и данный сюжет — Легенду о чудесном олене (Кезаи считал предками мадьяр гуннов).

Относительно второй части поставленной нами проблемы — о мифических персонажах легенды, можно отметить, что среди венгерских историков подробно этим вопросом занимался Дьёрдь Дьёрффи (впервые в 1948 г., в 1993 г. его книга была переиздана). Мнение Дьёрффи заключалось в предположении, что персонажи легенды или сама легенда отражают реальные исторические события, просто надо разгадать эту «загадку» — и откроется путь к темным временам мадьярской праистории (это «классическое» историческое мышление, в котором «текст» и «история» не отличаются друг от друга) [Györfy, 1993].

Имя *Энех* (мать Хунора и Магора) происходит от венгерского слова *enx* ‘лань’. Это слово, по всей вероятности, принадлежит к древнейшему слою мадьярского языка. Его параллели встречаются и в уральских языках, и в юкагирском. Например, фин. *emä* ‘мать’, эст. *ema* ‘мать’, ненец. *niemeä* ‘мать’, юкагир. *emej* и т. д. [Collinder, 31—32]. Представляется интересным, что в мадьярском языке это древ-

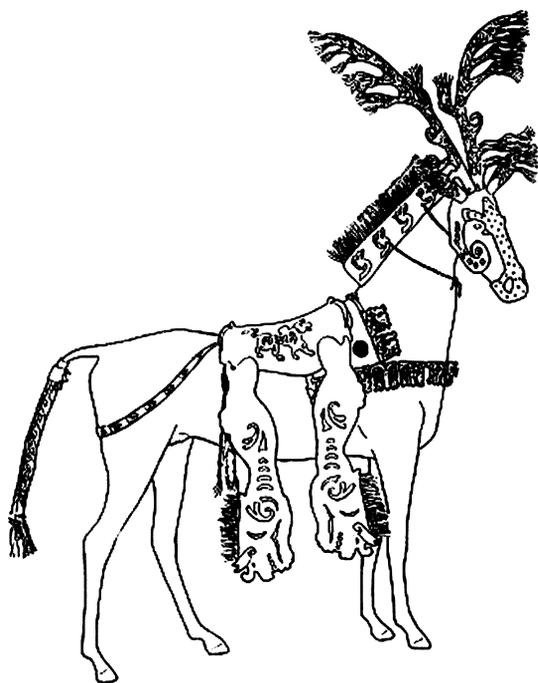

Рис. 2

нее уральское слово со значением ‘мать’ приобрело значение ‘лань’. *Белар* — персонификация этнонима *булгар* и отождествляется с булгарами. Под булгарами в данном случае, по мнению Дьёрффи, следует понимать тех «черных булгар», которые жили около Кубани и о которых Константин Багрянородный упоминал в трактате «Об управлении империей» [Константин, 1991, 53, 175]. *Дула* относится к *аланам* (как это говорится в самом тексте хроник). Таким образом, считает Дьёрффи, легенда возникла еще до обретения родины и, согласно с Сючем, около Кубани и Меотиды, она отражает процесс сложения мадьярского этноса из разных компонентов (протомадьяры-угры + болгарский слой + аланский слой) [см.: Györfy, 1993, 11].

По мнению Дьёрффи, эти имена встречаются и в Гесте Анонима. Аноним пишет, что один из предков династии Арпадов (т. е., в отличие от Кезаи и Композиции хроник, речь идет о происхождении не народа, а лишь династии!) был некий *Eunedubelianus*. Его имя нигде не встречается, кроме Анонима. Дьёрффи (по-моему, это верно) считал, что *Eune-du-bel-ianus* = *Энех* + *Дула* + *Белар* + латинский суффикс [Györffy, 1993, 17]⁸.

Однако у Анонима нет имен *Хунора* и *Магора*, которые являются по венгерским хроникам предками гуннов и мадьяр. Имя *Магор* однозначно отождествляется с самоназванием венгров — мадьяр. А *Хунор*? В венгерской историографии раньше было достаточно широко распространено мнение о родстве гуннов с мадьярами начиная именно с Кезаи, со ссылками на Хунора. Однако византинист Дьула Моравчик доказывал, что в этнониме *Хунор* следует искать не *гуннов*, а *оногуров* (!) [см.: Moravcsik, 1914, 335]. Сейчас большинство венгерских исследователей имя *Хунор* связывают с оногурами (редкое исключение, например А. Рона-Таш, который считает, что имя *Хунор* происходит из этнонима *гунн*, но представляет собой лишь историографический, а не исторический интерес) [Róna-Tas, 1996, 210]. Во всем этом следует выделить три аспекта.

1. Иноязычное название мадьяр (*венгр*, *Ungar*, *Hungarian* и т. д.) этимологически связано с этнонимом *оногур*. Поскольку у нас практически нет письменных источников, отражающих историю мадьяр до IX в., трудно выяснить подробности этих связей, однако в венгерском языке есть масса слов (около 300), которые происходят от одного из тюркских языков (диалектов), на котором говорили в том числе и оногуры, и волжские булгары (тюркский язык с ротацизмом и ламбдацизмом; ныне единственный потомок этой языковой группы — чувашский). Таким образом, связь между мадьярами и оногурами является и с т о р и ч е с к и м ф а к т о м. Поэтому, на наш взгляд, персонажи Хунор и Магор в Легенде о чудесном олене сохранили эту историческую реалию, хотя в испорченной форме.

2. *Белар* бесспорно является отражением этнонима *булгар*, однако с его чувашским вариантом, т. е. это «внутренняя форма» этнонима (в Европе эта форма первый раз встречается в венгерских источниках) [см.: Ligeti, 1986, 386].

3. *Дуло* (князь аланов) встречается и в болгарской традиции, в частности в традиции оногур-булгаров, переселившихся во главе с Аспарухом в 680 г. на Нижний Дунай. В списке т. н. древних болгарских князей (список сохранил русский Эллинский летописец, его источником была болгарская надпись VIII в.) среди князей еще до переселения булгар на Дунай (680) встречается род *Дуло*, из которого происходил в том числе Аспарух [Ibid, 464]. Неясно, почему Дуло в венгерском варианте — князь аланов, но следует подчеркнуть общность мадьярской и болгарской (в конечном итоге — оногурской) традиций.

⁸ В Гесте Анонима, кроме этого, еще раз встречается подобное словообразование — *Детумогер*, которому соответствуют *Дентия* и *Могор* хроник.

Почему именно с гуннами отождествляли оногуров венгерские хроники в Средние века (Кезаи)? Венгерская историографическая традиция, начиная от Кезаи и практически до сих пор, в принципе «локальная», «карпатская», стремится доказывать локальные, местные, карпатские корни мадьяр, право на их господство в Карпатском бассейне (это явление наблюдается практически в историографиях всех восточно-европейских народов!). Таким образом, она имеет цель легитимации: для Кезаи и его последователей такую легитимацию «обеспечивали» гунны как предки мадьяр.

Итак, мы считаем, что мифические персонажи легенды отражают ранние этапы этногенетического процесса мадьяр, в котором участвовали, кроме собственно угров (протомадьяр), оногуры, в меньшей степени — аланы (VI—IX вв.). Что касается локализации возникновения легенды, здесь возможны и степные, и лесостепные зоны (Приуралье) Восточной Европы. Присутствие булгар (потомков оногуров) и аланов зафиксировано в данное время как в лесостепной, так и в степной полосах Восточной Европы. Легенда о смешении народов Магора, Хунора, Белара, Дуло является настоящей мадьярской традицией, которая была (наверное, во фрагментах) известна спустя еще 200 лет после обретения родины. Хронисты добавляли к этому западно-европейскую литературную традицию о чудесном олене и Меотиде.

Алексеев В. П., Мартинов А. И. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986.

Артаманов М. И. История хазар. СПб., 2001.

Грязнов М. П. Первый пазырыкский курган. Л., 1950.

Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории гуннов // Вести. древн. истории. 1960. № 4.

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М., 2005.

Йордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988.

Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.

Могильников В. А. Саргатская культура // Археология СССР: Степ. полоса азиат. части СССР в скифо-сармат. время. М., 1992. С. 292—311.

Прокопий из Кесари. Война с готами. М., 1950.

Феофан Византиец: Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский: Сказания Ириска Панийского. Рязань, 2005.

Ромбандеева Е. Душа и звезда. Л.; Ханты-Мансийск, 1991.

Страбон. География. М., 1964.

Berze Nagy J. A csodaszarvas mondája // Ethnographia XXXVIII. (1927) 65—80, 145—164.

BMŰKF — Bevezetés a magyar őstörténet kutatásának forrásaiba. I, 2. Szerkesztette: Hajdú Péter — Kristó Gyula — Róna Tas András. Bp., 1988.

Collinder — Björn Collinder: Fenno-Ugric Vocabulary. An Etimological Dictionary of the Uralic Languages. Hamburg.

Fodor I. A magyar őstörténelem és az őstörténészek // História. 2004. Nr. 9.

Gombocz Z. A magyar őshaza és a nemzeti hagyomány. II // Nyelvtudományi Közlemény 46 (1923—1927).

Györffy G. Krónikáink és a magyar őstörténet. Bp., 1993.

- HKÍF — A honfoglalás korának írott forrásai. Szeged, 1995.
Jankovics M. A szarvas könyve. Bp., 2004.
Kemenczei T. Szkíták az Alföldtől Ázsiáig // História 2003. Nr. 7.
Kristó G. História és kortörténet a Képes Krónikában. Bp., 1977.
László G. A «kettős honfoglalás». Bp., 1978.
Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Bp., 1986.
MEH — A magyarok elődeiről és a honfoglalásról. Bp., 1975.
Moravcsik G. A csodaszarvas mondája a bizánci íróknál // Egyetemes Philologiai Közlöny 38 (1914).
Róna-Tas A. A honfoglaló magyar nép. Bp., 1996.
SRH — Scriptorum Rerum Hungaricum, 1—2: Tempore Ducum Regumque Stirpis Arpadianae Gestarum. Edendo op. Emericus Szentpétery. Bp., 1999.
Szűcs J. A magyar nemzeti tudat kialakulása. Szeged, 1992.
Vargyas L. Honfoglalás előtti, keleti elemek a magyar folklórban // Történelmi Szemle 1977. Nr. 1.
Voigt V. Folklorisztika és őstörténet // Magyar Őstörténeti Tanulmányok. 1977.

Статья поступила в редакцию 30.01.2007.

О. В. Скобелкин

СЛУЖИЛЫЕ ИНОЗЕМЦЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЖОНА МЕРРИКА В РОССИИ (1614—1617)

Рассматриваются частные темы переговоров английского посла Джона Меррика с представителями русских властей о судьбе служилых иноземцев в России, и прежде всего о судьбе своих соотечественников.

В истории первых ста лет русско-английских отношений посольство Джона Меррика 1614—1617 гг. занимает особое место. Во-первых, это была самая длительная по времени миссия (более трех лет); во-вторых, английский посол успешно выступил посредником на переговорах России и Швеции; и в-третьих, в силу успешности этих переговоров никто из британских дипломатов не был так обласкан в Москве, как Меррик. К этому следует добавить и исключительные качества самого посла: он единственный из всех приезжавших до него в Россию британцев хорошо знал страну и язык. Отец Меррика Уильям (поэтому английского посла в России чаще всего называли Иваном Ульяновым) был одним из первых управляющих Московской компании, и Джон еще ребенком оказался в России. В 80-х гг. XVI в. он стал агентом компании в Ярославле, а в 90-х — главным агентом в Москве [см.: Соколов, 1992, 82]. Как говорил он сам на прощальной аудиенции у царя Михаила Федоровича в 1617 г., «... у себя я в Английской земле родился, а на Руси взрос; столько хлеба не едал в своей земле, сколько в Московском государстве...» [Соловьев, 1990, 90]. Кроме того, Дж. Меррик, в отличие от других английских дипломатов той эпохи, как правило, не более одного раза приезжавших в Россию,